

УДК 342.71

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.32>

Префигуративный аспект политической социализации современной молодежи и его особенности

И. В. Кирдяшкин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск

Аннотация. Исследуются особенности проявления префигуративности как вынужденной самостоятельности выбора смыслов и ценностей политического мира современной молодежью в политической социализации. При этом рассматриваются задачи по изучению условий и формам проявления префигуративности как явления, порождаемого современными метаморфозами ценностей, смыслов общественных коммуникаций и политического мира. В качестве ведущего контекста проявления префигуративности в понимании политической культуры представляется рискогенность, определяемая феноменом культуры риска. В этом отношении рискогенность обнаруживает свою двоякость – рискофобию, иницирующую консерватизм понимания политической культуры, и рискофилию. Она воплощает тенденции, связанные с формированием модели «человека риска». Ей присуща направленность на нарушение социально-политической нормативности, ее трансформацию, определение феномена нормальной аномии, предполагающей в качестве способа интерпретации политической культуры задействование, испытание, реализацию новых, полученных знаний, умений, навыков, импровизационных действий. Это институционализирует политические, экономические активности рискогенного толка, гражданские инициативы, рискогенные политические настроения, делает непредсказуемой политическую социализацию молодежи. Ее снижение требует выработки в качестве превентивных мер, нацеленных на уменьшение рискогенности политических процессов, программ, символических конструкций будущего, связывающих смыслы и ценности поколений, выражающих их глубинные умонастроения и одновременно предлагающих их новое интеграционное качество, «раскрепощающее» и соединяющее возрастную, культурную разность современного общества.

Ключевые слова: префигуративность, политическая социализация молодежи, молодежь, современная молодежь.

Для цитирования: Кирдяшкин И. В. Префигуративный аспект политической социализации современной молодежи и его особенности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 32–38. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.32>

Современность как форма развития человека и общества актуализирует постоянный поиск своего методологического начала. Доминирующее положение экономического начала современности, строящегося конструированием в качестве нормативности утилитарной морали и антропологии, сакрализующей рациональный выбор человека, сводящийся к пользе и потребностям настоящего момента, потенциальной «войны всех против всех» на микро- и макроуровне современных обществ. Последствия этого состояния препятствуют развитию человека и его цивилизации в целом. Это актуализирует методологию современности, строящуюся на политической составляющей человеческой природы, нацеленной

на преодоление потенциальных противостояний современности. Формирование данной природы характеризует процесс политической социализации молодежи.

Понятие «политическая социализация» сложилось по аналогии с понятием «социализация», направленным на описание процессов формирования социальных установок личностного развития. Теоретические положения исследований Г. Алмонда и С. Вербы определяют политическую социализацию как интернализацию или перенос внешних структур политической культуры общества во внутренние структуры личности [1, с. 403]. В этом плане, как считает К. Ф. Завершинский, «культурность» выступает не некой субстанциональной данностью, а процессом понимания, обобщения смысловых ориентаций индивидов [2, с. 39].

При этом современность характеризует феномен метаморфозы. В социально-политической жизни метаморфоза проявляется как коренная трансформация социально-политической нормативности. У. Бек видит в современных метаморфозах нечто удивительное, которое можно рассматривать как метаморфозу преобразования эталонного горизонта и координат действия [4, с. 11]. В этом контексте активизируется префигуративный аспект политической социализации молодежи.

Культуролог и антрополог М. Мид выдвинула трактовку межпоколенческого взаимодействия на основе разделения трех типов культуры: постфигуративной, кофигуративной и префигуративной. Постфигуративная культура имеет в своей основе ориентацию молодых поколений на опыт старших. Нормы, передаваемые новому поколению, имеют своим источником прошлое, которое осваивается в форме следования традиции [7, с. 483–486]. Кофигуративная культура содержит ориентацию не столько на опыт старших, сколько на актуальное знание. Большое значение приобретает ориентация людей на современников. При этом со второй половины XX в. возникают явления префигуративной культуры. В ней старшие в том числе начинают учиться и у младших, перенимая их культуру. Начало этого процесса исследователь связывает с возникновением новых средств коммуникации [7, с. 486–495].

В условиях современности префигуративность приобретает характер вынужденной самостоятельности ценностного, смыслового выбора, жизненных ориентаций молодежи, определяющейся ситуацией, когда молодежь не может опираться исключительно на культурные идеи, нравственные ориентиры старших. Префигуративные тенденции инициирует ситуация хронической аномии, толкающая молодежь на собственный поиск социально-политической нормативности. В частности, современное общество, считает Н. Н. Зарубина, не предлагает российской молодежи однозначные нравственные ориентиры, универсальные ценности, общезначимые образцы, которые возможно было бы принять в качестве моделей в ситуации планирования жизненной траектории и решения неизбежных моральных проблем. Это ведет к тому, что мировоззренческие и этические установки молодежи становятся неоднозначными и противоречивыми, формируясь в условиях отсутствия универсальной «арочной» морали (З. Бауман) [3, с. 54].

В результате понимание современной молодежью политической культуры становится частью процессов включения в общественное сознание культуры риска. В этом плане молодежь осуществляет свою политическую социализацию в рамках двух «взаимопроникающих» тенденций, связанных с включением в понимание политической культуры аспектов современной культуры риска. Первая тенденция детерминируется в том числе рискофобией как стремлением к «текущему» страху от рисков, зарождающемуся в эпоху индустриального модерна [5, с. 152]. Она определяет или консерватизм в понимании политической культуры, или ее игнорирование. Другая тенденция существует одновременно с рискофобией и конструируется в виде тяги человека к риску в качестве фактора изменений, которую исследователи рассматривают как рискофилию [5, с. 7]. Данная рискогенная активность выполняет функцию преодоления давления со стороны институциональных структур общества, которые стремятся к рационализации поведения людей, побуждая избегать риска. Благодаря рискогенной активности происходит осознанный разрыв с рутинной жизни в целом. Эти тенденции становятся заметным компонентом социализации современной молодежи, проявляясь в виде научного творчества, создания новационных технологий; в проведении каких-либо экспериментов, стремлении к чему-то альтернативному, нацеленному на испытание возможностей человека, открытие его новых способностей, идей. Это же предполагает задействование, испытание, реализации новых, полученных знаний, умений, навыков, импровизационных действий. Важным ресурсом рискогенности становится социальный, политический перформанс. Он помещает человека на границу между художественным, вымышленным и реальным мирами [8, с. 321]. Перформанс, как полагает Е. В. Шмелева, объединяет возможность балансирования на границе фиктивного и реального, преодоления границы публичного/приватного, визуального восприятия / тактильного, дистанцию/близость [10, с. 124].

Проявление рискофилии, считают исследователи, обусловлено соответствующим научным и обыденным знанием. В нем принятие риска считается допустимым и желательным для креативного развития общества и личности. Это институционализирует в качестве способа интерпретации политической культуры политические, экономические активности рискогенного толка, гражданские инициативы, рискогенные политические настроения и действия [5, с. 8]. Исследователи квалифицируют рискофилию как «деятельность на грани», обусловленную возникновением нового социального типа человека, «человека риска», расположенного к ней. При этом мотивацией таких людей, особенно молодых, является принадлежность к креативным, сильным духом и телом, особенным, избранным. Вместе с тем добровольное принятие риска, особенно в молодежной среде, рассматривается как свидетельство наличия высших качеств [5, с. 9].

Это несет специфические последствия для культуры современности, в том числе российского социума, нуждающегося в креативности, решительности для преодоления разрывов современности, разрешения необходимости не отстать от других обществ, вырваться вперед преимущественно в финансово-экономическом плане. В этом отношении заметной компонентой современной коммуникации становится практика внедрения посыла о мессианской роли со-

временной молодежи, связанной с необходимостью трансформации современности. Как отмечают исследователи, новейшие информационные технологии стали основой формирования технологий тотального воздействия на целые поколения, именуемые поколениями веба. В их сознание интегрируется мессианский посыл о том, что они направлены изменить мир [11, с. 29]. В результате возникает реабилитация идеи сверхчеловека, который должен поднять человечество на более высокую ступень развития.

Согласно Ф. Ницше, ценность сверхчеловека основывается на ценности новой человеческой морали [8, с. 526]. Идея новой морали присуща молодежи, является типичной молодежной идеей. Молодежь выступает инструментом поиска, конструирования, носительницей новой морали в обществе. Ф. Ницше возвращает в качестве этической ценности процессов становления «человека политического» инстинктивные свойства «человека природного», в частности: стремление побеждать; сверхчеловечность как проявление творческого инстинкта человека, в основе которого находится воля к власти. При этом она, по Ницше, есть жизнь, которая не означает жажду обладания вещами. Ф. Ницше говорил о жизни как духовном стремлении [8, с. 283]. Вместе с тем политическое, получившее у Ф. Ницше толчок в представлении о соперничестве воли и моральных норм, формирует актуальность ценности превосходства по отношению к иному и одновременно отношение ему преклонения как обладателю наиболее сильной воли к власти. Это ведет к признанию презумпции сильного духом, порой не считающегося со слабостью, берущего на себя право судить, осуждать, вмешиваться, абсолютизировать свое мнение и свою мораль в свете максималистских устремлений, в частности, молодежи.

Усугубляет данные тенденции доминирующая в современном обществе в качестве основы «человека политического» модель «человека экономического». По мнению В. С. Мартыанова, модель *homo economicus* в качестве модели политического субъекта, лежащая в основе неолиберализма и оправдывающая общезначимые политические решения, требует серьезной коррекции, проявляя свои пределы в качестве базиса развития человека и общества [6, с. 104]. Ее утилитарная мораль, определяемая выгодой и удовольствием индивида, квалифицирует однородность мотиваций человека, элиминируя культурно-исторические, групповые ценности [6, с. 107]. В условиях современных метаморфоз модель *homo economicus* выступает истоком роста непрогнозируемости, латентности, индивидуализации рисков понимания политической культуры в политической социализации молодежи, так как определяется непредсказуемостью, индивидуализацией ее потребительского поведения, технологиями его навязывания глобальными коммуникациями; управляемыми другими политическими мирами, потребительскими брендами.

Это привносит в социализацию молодежи контркультурность, отрицание нормативности, неустойчивость, фрагментарность понимания ценностей и смыслов политических процессов. Лабильное, мифологическое сознание молодежи, состояние неустойчивости ее ориентаций, восприятия в целом создают предпосылки для манипулирования этой возрастной группой. Ее вовлеченность в средства технической коммуникации позволяет рассматривать молодежь как

приоритетный объект информационного воздействия разного плана, «инструмента влияния», регуляции, в частности, со стороны глобальных коммуникационных сетей и потребительских индустрий, политических акторов.

Это, в свою очередь, диктует проблематику конструирования общественно-политических программ интеграции данных тенденций в социально-проективное русло общественных изменений, обусловленное проектом социально-политического будущего, выступающего превентивным регулятором политической социализации современной молодежи и ее понимания политической культуры, селективным средством тех или иных аспектов осознания политических ценностей и смыслов. Современные метаморфозы создают возможность «сказаться» тому, что составляло нереализованный потенциал прошлого, выявить телеологизм истории, смыслы политического мира, выражающие свойства миропонимания поколений, связывая их в культурно-историческую общность. В этом плане будущее выступает как продукт проявления и трансформаций глубинного сознания индивидов, того, что вызревает в нем в течение истории, образуя внутренний смысловой горизонт коммуникации поколений.

На наш взгляд, данный горизонт в отношении российской молодежи и ее политической социализации имеет перспективу в своей сопряженности с ценностями, пронизывающими российскую культуру. Ее генотип артикулирует в качестве набора смыслов политической культуры этический смысл, источник которого находится вне объективной стороны жизни человека, нося характер приготовления к вневременному бытию. В практической плоскости это проект, культивирующий со-переживание человеку и человечеству, защиту слабого, равнодушие как высшую ценность. Данный проект «раскрепощает» творчество многих на основе идеалов, пропагандирующих сострадание, высшие ценности человека. Он потенциально выступает альтернативой, являющейся истоком непрогнозируемых рисков политической социализации современной молодежи, истоком рисков существования человеческой цивилизации в общем, модели «человека экономического» в качестве основы понимания ценностей, смыслов политической культуры, культуры человека в целом.

Список литературы

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М. : Мысль, 2014. 500 с.
2. Завершинский К. Ф. Политическая культура как способ семантического конституирования политических коммуникаций // Политическая наука: Исследования политической культуры: Современное состояние. М. : ИНИОН РАН. 2006. № 3. С. 31–46.
3. Зарубина Н. Н. Молодежь в условиях анонии: кто примет ответственность за будущее России // Обществ. науки и современность. 2016. № 2. С. 52–63.
4. Кравченко С. А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социол. исслед. 2017. № 10. С. 3–14.
5. Кравченко С. А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной анонии» // Социол. исслед. 2017. № 2. С. 5–12.
6. Мартынов В. С. Политические пределы homo economicus // Обществ. науки и современность. 2017. № 2. С. 104–117.
7. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Левикова И. С. Молодежная субкультура. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. С. 483–499.

8. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (1884–1888). М. : Транспорт, 1995. 301 с.
9. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. М. : Канон+, 2015. 376 с.
10. Шмелева Е. В. Городское «множество» и эстетика перформативности: новые формы публичной культуры // Филос. журн. 2016. № 2. С. 114–125.
11. Спиридонова В. И. «Абсолютная война» – символ XXI в. // Филос. науки. 2015. № 6. С. 23–35.

A Prefigurative Aspect of Political Socialization of Modern Youth and Its Features

I. V. Kirdjashkin

National Research Tomsk State University, Tomsk

Abstract. The article aims at examining features of prefiguration manifestation as compelled independence of choice of meanings and values of the political world by modern youth in the process of political socialization. The author focused on studying conditions and forms of manifestation of prefiguration as the phenomenon generated by modern change of values, public communication meanings and the political world. In this respect riskogenics, defined by a risk taking culture phenomenon, is viewed as a basic context of display prefiguration manifestation in the context of political culture. Riskogenics reveals dichotomy: fear of taking risk leading to conservatism of understanding of political culture, and risk proneness. It embodies tendencies of formation of a “risk taking person” model. It tends to infringe and transform sociopolitical norm. It introduces the phenomenon of normal anomie, which means involving, testing, realizing new knowledge, skills, acquired practices, and makeshift acts as a way to interpret political culture. This institutionalizes political, economic activities of riskogenics character, civil initiatives, riskogenics political sentiments, and makes political socialization of youth unpredictable. To resist this process it is necessary to develop programs, symbolic constructs of the future connecting meanings and values of generations, expressing their deep moods and at the same time showing their new integration character, «liberating» and uniting age and cultural difference of modern society as preventive measures aimed at decreasing riskogenesis of political processes.

Keywords: prefiguration, political socialization of youth, youth, modern youth.

For citation: Kirdjashkin I.V. A Prefigurative Aspect of Political Socialization of Modern Youth and its Features. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2018, vol. 23, pp. 32-38. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.32> (in Russian)

References

1. Almond G., Verba S. *Grazhdanskaya kul'tura. Politicheskiye ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [Civil culture. Political installations and democracy in five countries]. Moscow, Mysl Publ., 2014, 500 p. (in Russian)
2. Zavershinsky K.F. *Politicheskaya kul'tura kak sposob semanticheskogo konstituirovaniya politicheskikh kommunikatsiy* [Political culture as a way of a semantic institutionalization of political communications]. *Political science: Researches of political culture: the Current state*. Moscow, INION the Russian Academy of Sciences Publ., 2006, no. 3, pp. 31-46. (in Russian)
3. Zarubina N.N. Molodezh v usloviyakh anomii: kto primet otvetstvennost za budushcheye Rossii [Youth's Notch in conditions of anomie: who will accept responsibility for the future of Russia]. *Social studies and the present*, 2016, no. 2, pp. 52-63. (in Russian)
4. Kravchenko S.A. *Metamorfozy: sushchnost', uslozhnyayushchiyesya tipy, mesto v sotsiologicheskom znanii* [Metamorphosis: the essence, becoming complicated types, a place in

sociological knowledge]. "]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 10, pp. 3-14. (in Russian)

5. Kravchenko S.A. Coexistence riskofobii and riskofilii – display «normal anomii» [The coexistence of riskophobia and riskophilia – an expression of "normal anomie"]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 2, pp. 5-12. (in Russian)

6. Martyanov V.S. Sosushchestvovaniye riskofobii i riskofilii – proyavleniye «normal'noy anomii» [Political limits homo economicus]. *Social studies and the present*, 2017, no. 2, pp. 104-117. (in Russian)

7. Mid M. Kultura i preyemstvennost. Issledovaniye konflikta mezhdru pokoleniyami [Kultura and continuity. Conflict research between generations]. *Levikova I.S. Youth subculture*. Moscow, The FAIR-PRESS Publ., 2004, pp. 483-499. (in Russian)

8. Nizhe F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostey (1884–1888)* [Volition to the power. Experience of revaluation of all values (1884-1888)]. Moscow, Transport Publ., 1995, 301 p. (in Russian)

9. Fisher-Lihte E. *Estetika performativnosti* [The aesthetics of performativity]. Moscow, The Canon+ Publ., 2015. 376 p. (in Russian)

10. Shmeleva E.V. Gorodskoye «mnozhestvo» i estetika performativnosti: novyye formy publichnoy kul'tury [City «set» and an aesthetics performativnosti: new forms of public culture]. *Philosophical magazine*, 2016, no. 2, pp. 114-125. (in Russian)

11. Spiridonova V.I. «Absolyutnaya voyna» – simvol KHKHI v. [«Absolute war» – a XXI-st century symbol]. *Philosophical sciences*, 2015, no. 6, pp. 23-35. (in Russian)

Кирдяшкин Иван Владимирович

кандидат исторических наук, доцент
кафедра политологии
философский факультет
Национальный исследовательский Томский
государственный университет
Российская Федерация, 634050, г. Томск,
пр. Ленина, 36
тел. 8(3882)534665
e-mail: kirdjshkin@mail.ru

Kirdjashkin Ivan Vladimirovich

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Political Science,
Faculty of Philosophy
National Research Tomsk State University
36, Lenin st., Tomsk, 634050, Russian
Federation
tel.: 8(3882)534665
e-mail: kirdjshkin@mail.ru

Дата поступления: 23.03.2018

Received: March, 23, 2018